

ДРЕЙФ ЭТНИЧНОСТИ В ПРОЦЕССЕ НЕФТЕГАЗОВОГО ОСВОЕНИЯ И УРБАНИЗАЦИИ ХАНТЫ-МАНСЬСКОГО ОКРУГА (1960–1980-е гг.)

Работа выполнена при финансовой поддержке РГНФ (грант № 15-11-86001, тип проекта: «а(р)»).

Предпринимается попытка историко-динамического анализа этничности в период нефтегазового освоения и урбанизации Ханты-Мансийского автономного округа в 1960–1980-х гг. Выявляются особенности этнической динамики в разрезе базовых и молодых городов округа. Раскрывается взаимосвязь этничности с производственной идентификацией в нефтедобывающих и строительных отраслях региона. Сделаны выводы о том, что нефтегазовое освоение привело к формированию полиэтничного общества в Ханты-Мансийском округе.

Ключевые слова: Западно-Сибирский нефтегазовый комплекс; нефтегазовое освоение; нефтяные города; производственная идентичность; урбанизация; этничность.

Изучение трансформации этнической идентичности в контексте урбанизационных процессов является приоритетной проблематикой в исследованиях антропологии города. В условиях глобализации проблема сохранения этнической идентификации особенно актуальна. Данная тема подразумевает, что главной исследовательской целью историка является выявление реакций этничности к всепоглощающим процессам адаптации и аккультурации.

И здесь российский город как изучаемый объект, в отличие, например, от американских поселений, затрудняет историко-этнографическое исследование тем, что представляет собой систему с дисперсным характером расселения этнических групп в пределах городской черты [1. С. 139]. Для преодоления этого объективного барьера В.В. Поддубиков призывает очерчивать предметную область изучением этничности коренных народностей, этнических групп мигрантов, диаспор в городах и того, как сохраняется или трансформируется их этническая идентичность, этнокультурные традиции и какая вырабатывается стратегия участия в смешанных браках.

Учитывая специфику отечественных источников, которые насыщены статистической и учетной информацией, также представляется репрезентативным исследовать количественную динамику этничности, тем более если принять во внимание, что концепт «этничность» обозначает сущность динамичного явления, а не его статичный образ [2. С. 46]. Историко-динамический анализ этничности Ханты-Мансийского автономного округа (далее – ХМАО) в контексте урбанизации и нефтегазового освоения основывается в первую очередь на данных всесоюзных переписей населения и областного статического управления. К сожалению, в рамках советского периода фактически отсутствуют социологические исследования национального состава рабочих и их семей, приезжавших строить Западно-Сибирский нефтегазовый комплекс. Вместе с тем сплошной количественный анализ дает возможность показать всю панораму этнического разнообразия региона.

С самого начала нефтегазового освоения ХМАО выступил магнитом, притягивающим население из многих регионов страны с различной этнической принадлежностью. Уже перепись населения 1959 г. зафиксировала весьма пестрый национальный состав округа, что было результатом сталинских спецпересе-

лений и начавшейся в 1950-х гг. миграцией в отрасли лесопромышленности и геологоразведки. В этнической структуре региона преобладал удельный вес русских (72,5%), коренных национальностей ханты, манси и ненцев (14,5%), украинцев (3,5%), татар (2,4%), коми и коми-пермяков (2,3%), немцев (1,7%) и белорусов (1,0%) (см. табл. 1 [3. С. 130; 4. С. 12]. Эти и дальнейшие расчеты произведены на основании таблиц).

Развитие нефтедобывающей промышленности в начале 1960-х гг. способствовало масштабной миграции рабочей силы в ХМАО, которая стала резко менять этнический состав населения региона. Миграционный обмен в ХМАО осуществлялся практически со всеми регионами СССР. По данным 1965 г., наибольший миграционный приток в округ установился с областями Западной Сибири (29,2% от общего притока населения), Урала (23,4%), Поволжья (16,4%), Казахстана (6,2%), Волго-Вятского района (3,5%) и Северного Кавказа (3,3%) [5. С. 64–65, 72].

Квалифицированные кадры для нефтяной и газовой промышленности давали Башкирия, Татария, Куйбышевская область, Краснодарский край, Чечено-Ингушетия – их удельный вес во внешней миграции в нефтяные центры Нефтеюганск, Урай, Сургут, Мегион и Нижневартовск составлял 14–32%. Трудовые ресурсы для обслуживания и строительства формировались главным образом за счет мигрантов из областей Урала, Западной Сибири и Казахстана [Там же. С. 78–79, 85]. Из большинства районов приезжали в основном представители русской национальности и часть украинцев. Из Поволжья ехали преимущественно татарские и башкирские специалисты-нефтяники, а Кавказ давал пестрый состав мигрантов из русских, украинцев, азербайджанцев.

Перепись населения 1970 г. сообщала, что из всего мигрирующего населения ХМАО (74 427 чел.) больше всего было представителей от Тюменской области (30%), Западно-Сибирского экономического района (21%), других регионов РСФСР (37%), главным образом из Поволжского и Уральского районов, и союзных республик (12%), по большей части из Казахстана и Украины [6. Л. 5, 11]. Перепись населения 1970 г. также зафиксировала этнический состав мигрирующего населения в ХМАО. Согласно ее данным, русские были наибольшей группой в миграционном потоке (78,8%). Значительным среди мигрантов был

удельный вес татар (6,1%) и украинцев (5,6%). Миграция затронула и коренные народности ханты (1,0%), манси (0,7%), коми (0,4%). Прочие этносы среди мигрантов составляли 7,2% [6. Л. 6–7]. По под-

счетам Г.Ю. Колевой, к 1970 г. наиболее быстро увеличивающимися этническими группами были татары (увеличились в 4,8 раза), украинцы и белорусы (в 2 раза) [7. С. 179].

Т а б л и ц а 1

Национальный состав населения ХМАО в 1959–1989 гг. (по данным переписей населения)

Национальность	1959 г.		1970 г.		1979 г.		1989 г.		Темпы роста, 1989 г. к 1959 г.
	Чел.	%	Чел.	%	Чел.	%	Чел.	%	%
Все население	123 926	100	271 157	100	570 763	100	1 282 396	100	1 034
Русские	89 813	72,5	208 500	76,9	423 792	74,2	850 297	66,3	946
Украинцы	4 363	3,5	9 986	3,7	45 484	8,0	148 317	11,6	3 399
Татары	2 938	2,4	14 046	5,2	36 898	6,5	97 689	7,6	3 325
Башкиры	91	0,07	1 244	0,4	7 522	1,3	31 151	2,4	34 231
Белорусы	1 281	1,0	3 362	1,2	7 555	1,3	27 775	2,2	2 168
Чуваши	289	0,2	1 929	0,7	4 739	0,8	14 000	1,1	4 844
Азербайджанцы			136	0,05	1 263	0,2	12 846	1,0	
Молдаване	564	0,4	579	0,2	1735	0,3	10 406	0,8	1 845
Немцы	2059	1,7	2 069	0,8	3 499	0,6	8 929	0,7	433
Мордва	125	0,1	1 162	0,4	3 155	0,5	7 107	0,5	5 685
Марийцы			712	0,3	1 791	0,3	5 801	0,4	
Удмурты			1 304	0,5	2 029	0,3	3 956	0,3	
Коми	2821	2,3	3 150	1,2	3 105	0,5	3 436	0,3	214
Коми-пермяки			466	0,2	1 335	0,2	2 607	0,2	
Казахи	102	0,08	179	0,07	563	0,1	3 126	0,2	3064
Лезгины			44	0,02	216	0,04	3 091	0,2	
Кумыки					89	0,01	3 077	0,2	
Чеченцы			68	0,02	269	0,05	2 845	0,2	
Армяне			147	0,05	893	0,1	2 490	0,2	
Евреи	197	0,1	250	0,09	978	0,2	2 053	0,2	1042
Другие национальности	1 354	1,1	1 978	0,7	5 475	1,0	21 799	1,7	1609
Ханты	17 929	14,5	12 222	4,5	11 219	2,0	11 892	0,9	109
Манси			6 684	2,5	6 156	1,1	6 562	0,5	
Ненцы			940	0,3	1 003	0,2	1 144	0,1	

Согласно исследованиям Института экономики и организации промышленного производства СО АН СССР во второй половине 1960-х гг. наибольшее число приезжих были выходцами из городов и сел Западной Сибири (45,8%), вторым по значимости регионом-донором выступало Поволжье (20,2%), а потом – Урал (16,8%) [8. С. 74–75]. К сожалению, данные социологические исследования не уделяли внимания национальному составу мигрантов, поэтому об этнической составляющей этих миграционных потоков мы можем только предполагать. Но в целом ясно, что большая часть мигрантов пополнялась из близлежащих регионов, в которых проживало русское население.

Бурный рост населения посредством миграции в начальный период нефтегазового освоения поменял соотношение долей в национальной структуре ХМАО (табл. 1). В 1970 г. на 4% вырос удельный вес русских (до 76,9%), второе место продолжали держать коренные этносы округа (7,3%), но их доля сократилась в два раза. Значительной стала представительность татар (5,2%). Большинство национальностей увеличили свои доли, кроме молдаван, немцев, коми, коми-пермяков и евреев.

В 1970-е гг. последовали изменения, связанные с усилением внешнего миграционного потока, в первую очередь из Украины. По этой причине доля русских в регионе стала сокращаться, а представительство украинцев расти. В 1979 г. удельный вес русского населения составлял 74,2%, а доля украинцев стала второй по значимости (8,0%), обогнав долю татар

(6,5%). В целом остальные этносы (кроме немцев, удмуртов, коми) также усилили свои представительства. Доля коренных национальностей вновь уменьшилась (3,3%) и стала четвертой по значимости.

В 1980-х гг., когда миграция в регион достигла наибольших показателей, основными регионами-донорами рабочей силы, по данным Н.Ю. Гавриловой и В.П. Карпова, продолжали выступать Западная Сибирь, Урал, Поволжье, Казахстан, Северный Кавказ и Украина [9. С. 187–188]. Однако переселенцев из близлежащих областей становилось меньше, и основной поток мигрантов стали давать дальние регионы, особенно Украина, Татарстан, Башкирия, Белоруссия. Это привело к тому, что удельный вес русских в национальном составе населения стал стремительно сокращаться и к 1989 г. упал на 8% (до 66,3%), а украинцы (11,6%) и татары (7,6%) упрочили свое этническое представительство в ХМАО. Значительными стали доли башкир (2,4%) и белорусов (2,2%). Эти изменения привели к уменьшению удельного веса коренных национальностей до 1,5%.

В абсолютных показателях практически все этносы имели рост населения. В 1959–1989 гг. среди основных национальностей наибольшие темпы роста были у башкир (их количество выросло в 342 раза), мордвы (в 56 раз), чувашей (в 48 раз), украинцев и татар (в 33 раза соответственно). В период 1970–1989 гг. в ХМАО впервые начался рост численности выходцев из Восточного Кавказа. Так, по подсчетам В.А. Тена, увеличилось число чеченцев – в 41 раз,

лезгин – в 70, кумыков – в 80, азербайджанцев – в 94 раза [10. С. 13–14].

Однако нефтегазовое освоение привело к численному сокращению коренных народов округа – ханты и манси. С точки зрения миграционных потоков они являлись самыми стабильными этносами ХМАО и составляли значительную часть сельского населения округа, продолжая заниматься традиционными промыслами. Ханты, манси и ненцы практически не были задействованы в отраслях нефтедобычи, поэтому в основном оставались в селе и не переезжали в строящиеся города. Среди всех этносов ХМАО, несмотря на политику перевода коренного населения на оседлость, только народности Севера продолжали жить в традиционном обществе и в незначительной степени были вовлечены в процесс урбанизации. Как справедливо замечали Н.А. Аитов и Е.Н. Икингрин, разделение на город и деревню отражало и сами национальные различия округа [11. С. 59].

Основной тенденцией в динамике национальной структуры городского населения ХМАО было усиление полиэтничности. Дифференциация населения происходила посредством падения доли русских (с 84,1% в 1959 г. до 66,3% в 1989 г.) и увеличения удельного веса других народов, в первую очередь украинцев, татар, башкир, белорусов, чувашей, азербайджанцев и молдаван (см. табл. 2 [4. С. 12; 12. Л. 66–67; 13. С. 93–94]). В абсолютных числах в результате индустриального освоения шло продвижение на Север русского, татарского и украинского населения, а также выходцев народов Поволжья [14. С. 100].

Процент русских среди городского населения ХМАО был на 15–20% ниже по сравнению с другими районами Западной Сибири и в целом по РСФСР. Меньше доля русских среди горожан в Западной Сибири была только в Ямало-Ненецком округе, где она колебалась от 70,1 до 63,2% [15. С. 40–41]. Еще одной важной тенденцией в 1959–1989 гг. являлось постоянное уменьшение представительности коренных народностей в этническом составе городских поселений округа (с 3,5 до 0,6%).

В 1959–1970 гг. наибольшая доля после русских в городах округа принадлежала татарам (3,4% в 1959 г. и 6,3% в 1970 г.). Далее шли украинцы (2,9% в 1959 г. и 4,0% в 1970 г.). В 1979–1989 гг. место татар заняли украинцы (8,4% в 1979 г. и 11,9% в 1989 г.). Татары переместились на третье место (7,1% в 1979 г. и 7,9% в 1989 г.).

Высокий уровень полиэтничности показывал удельный вес других неосновных национальностей округа, который в 1959–1989 гг. вырос с 1,1 до 2,9%. В 1989 г. в городах эта доля вышла на четвертое место. В 1989 г. значительными также были доли башкир (2,6%), белорусов (2,2%), чувашей (1,1%) и азербайджанцев (1,1%). В 1980-х гг. заметно увеличилось количество народностей, которые приезжали возводить города от строительных организаций советских республик – узбеков (1 948 чел.), литовцев (1 052 чел.), латышей (424 чел.), эстонцев (237 чел.). С середины 1970-х гг. на стройках Сургута, Урая и Нефтеюганска работали болгарские строители. На январь 1987 г. в Сургуте насчитывалось 784 болгарина. Затем их доля сократилась, и в 1989 г. в городах округа проживал

431 чел. [16. С. 136]. Среди других национальностей, чья родина была за пределами Советского Союза, в 1989 г. в городском населении округа преобладали немцы (8 137 чел.), поляки (1 804 чел.), греки (1 099 чел.), корейцы (416 чел.).

Этническая пестрота нефтегазового освоения в 1980-х гг. была результатом изменения в стратегии развития нефтегазового региона, которая отразилась в партийно-правительственном Постановлении № 241 от 20 марта 1980 г. «О неотложных мерах по усилению строительства в районе Западно-Сибирского нефтегазового комплекса» [17. Л. 202–229]. Причиной кризиса в нефтяной отрасли признавалось отставание строительства объектов производственного и непроизводственного назначения, в силу чего индустриальной опорой комплекса объявлялась строительная отрасль, а к развитию строительной индустрии дополнительно привлекались организации и предприятия республик Советского Союза и крупнейших городов и областей РСФСР. Предприятия Мосгорисполкома строили в Нижневартовске, Минтяжстроя СССР из Свердловской области в Мегионе и Нягане, Минпромстроя СССР из Пермской области в Радужном, Минстроя СССР из Новосибирской области в Нефтеюганске, Минтяжстроя СССР из Челябинской области в Пыть-Яхе, Совета министров Белорусской ССР в Лангепасе, Совета министров Узбекской ССР в Нягане, Советов министров Азербайджанской, Литовской, Латвийской и Эстонской ССР в Когалыме [18. Л. 54–59]. Тем самым строители формировали новый этнический состав в ХМАО.

Важные особенности этнической динамики выделяются в разрезе городов. До нефтегазового освоения русские были доминирующим этносом в городских поселениях ХМАО. В 1959 г. в Сургуте титульная нация составляла 89,1% (5 373 чел.) от всего населения, в Ханты-Мансийске – 84,4% (17 446 чел.), а в Березово – 78,9% (5 328 чел.). Значительный удельный вес также имели следующие народности: украинцы (2,9%), ханты (1,9%), татары (1,2%) – в Сургуте; коми (5,1%), украинцы (4,1%), татары (3,0%), ханты (2,2%), манси (1,4%) – в Березово; татары (4,2%), ханты (2,6%), украинцы (2,5%), манси (1,1%) – в Ханты-Мансийске [19. Л. 100, 103, 121].

В период нефтегазового освоения города нефтяников стали настоящими «плавильными котлами» народов, проживающих в СССР. Этнический состав Сургута, Нижневартовска и Нефтеюганска включал чуть ли не все народы и национальности Советского Союза. Перепись населения 1989 г. зафиксировала, что в Сургуте и Нижневартовске проживали представители более 100 национальностей, а всего в ХМАО постоянно проживали представители 124 национальностей [10. С. 11]. Заключение межнациональных браков стало распространенным явлением в регионе. Доля таких браков в округе достигала 31%, в то время как в других регионах Западной Сибири она была в два раза меньше [15. С. 43].

Организовывали этот «котел» масштабные и стремительные миграционные процессы. Только в Урае, куда прекратились большие потоки мигрантов, в связи с падением нефтедобычи, смешение этносов прекратилось. В 1979 г. в этом городе был наибольший

процент русских – 80,5% (17 312 чел.). Самая низкая доля русских была в Нижневартовске – 71,6% (78 400 чел.), но именно в центре Саяногорска в 1970-х гг. ярче всего проявилось этническое многообразие. В 1979 г. наиболее значительный удельный вес татар был в Нефтеюганске (10,3% – 5 418 чел.), украинцев – в Сургуте (9,8% – 10 499 чел.), башкир – в Нижневартовске (2,5% – 2 699 чел.), белорусов – в Сургуте (1,7% – 1 829 чел.), чувашей – в Нефтеюганске (1,2% – 610 чел.), мордвы – в Нижневартовске (0,9% – 960 чел.). Доля коренных народов в нефтяных городах была ничтожной – 0,1–0,2%, кроме Урая, где процент манси достигал 0,6% (140 чел.) [20. Л. 60–114].

В конце 1980-х гг. структура населения по основным национальностям в базовых нефтяных городах Сургуте, Нижневартовске, Нефтеюганске и Мегионе была следующей: доля русских составляла – 64,8–69,0%, украинцев – 9,8–13,7%, татар – 5,5–11,3%, башкир – 1,6–3,7%, белорусов – 1,3–2,1%, чувашей – 1,0–1,4%, азербайджанцев – до 1,2%, молдаван – до 1,1%. Доля русских в Урае также сократилась до 76,9%. Согласно данным со-

циолога Г.Ф. Куцева, мигранты, прибывающие в середине 1980-х гг. в базовый город Сургут, были в основном выходцами из Тюменской области – 36,6% (от всего числа мигрантов), Украины и Молдавии – 17,8%, Поволжья – 12,9%, Урала и Западной Сибири – 8,4%, Центрального и Северо-Западного районов СССР – 8,0%, Северного Кавказа – 6,4% [21. С. 41]. Главная тенденция в базовых нефтяных городах ХМАО была связана с уменьшением представительности русских и увеличением удельного веса остальных народов.

Для новообразованных в 1980-х гг. городов соотношение родных районов мигрантов было другим. Так, в Когалыме основную долю составляли мигранты из Поволжья – 31,2%, из Украины и Молдавии – 24,1%, Урала и Западной Сибири – 11,3%, Центра и Северо-Западного района СССР – 11,1%, Тюменской области – 6,7%, Северного Кавказа – 6,2% [21. С. 41]. Это было связано с тем, что в небольших городах нефтяников требовались в первую очередь квалифицированные кадры для нефтегазовых отраслей, которые сосредотачивались в Поволжье.

Таблица 2

Национальный состав городского населения ХМАО в 1959–1989 гг. (по данным переписей населения)

Национальность	1959 г.		1970 г.		1979 г.		1989 г.	
	Число лиц	%	Число лиц, тыс. чел.	%	Число лиц	%	Число лиц	%
Все население	33 464	100	170,6	100	446 034	100	1 166 339	100
Народности Севера (ханты, манси, ненцы)	1 185	3,5	3,4	2,0	4424	1,0	6 788	0,6
Русские	28 147	84,1	138,7	81,3	336 104	75,3	773 468	66,3
Украинцы	962	2,9	6,8	4,0	37 612	8,4	139 087	11,9
Белорусы	187	0,5	2,1	1,2	5 899	1,3	25 474	2,2
Татары	1 143	3,4	10,7	6,3	31 910	7,1	92 822	7,9
Башкиры	9	0,03			6 511	1,4	29 916	2,6
Чуваши	41	0,1			3 841	0,9	13 086	1,1
Коми и коми-пермяки	442	1,3	1,0	0,6	1 906	0,4	3 625	0,3
Мордва	24	0,07			2 707	0,6	6 649	0,6
Молдаване	172	0,5			1 291	0,3	9 739	0,8
Евреи	100	0,3			910	0,2	1 985	0,2
Немцы	679	2,0			2 803	0,6	8 137	0,7
Азербайджанцы					1 114	0,2	12 435	1,1
Удмурты					1 554	0,3	3 540	0,3
Марийцы					1 366	0,3	5 313	0,4
Другие национальности	373	1,1	7,9	4,6	6 082	1,4	34 275	2,9

Таблица 3

Распределение городского населения ХМАО по национальности и родному языку ХМАО

Национальность	Перепись населения 1979 г.				Перепись населения 1989 г.			
	Разговаривающие на языке своей национальности		Разговаривающие на русском языке		Разговаривающие на языке своей национальности		Разговаривающие на русском языке	
	Абсолютные показатели	Удельный вес от всего населения своей национальности, %	Абсолютные показатели	Удельный вес от всего населения своей национальности, %	Абсолютные показатели	Удельный вес от всего населения своей национальности, %	Абсолютные показатели	Удельный вес от всего населения своей национальности, %
Все городское население ХМАО	409 095	91,7	36182	8,1	1 033 766	88,6	128 549	11,0
Русские	336 028	99,9	–	–	772 913	99,9	–	–
Украинцы	24 881	66,1	12 719	33,8	89 614	64,4	49 365	35,4
Белорусы	3 066	51,9	2 817	47,7	13 686	53,7	11 710	45,9
Азербайджанцы	929	83,4	184	16,5	10 874	87,4	1 532	12,3
Башкиры	4 866	74,7	1207	18,5	21 717	72,5	6 109	20,4
Татары	25 624	80,3	6269	19,6	71 511	77,0	21 181	22,8
Чуваши	2 330	60,6	1505	39,1	7 850	59,9	5 198	39,7
Манси	619	33,7	1216	66,2	631	23,4	2 051	76,3
Ханты	1 004	43,6	1299	56,4	1 517	40,5	2 215	59,2
Немцы	763	27,2	2036	76,6	1 767	21,7	6 353	78,0

В молодых нефтяных городах (которые получили городской статус в 1980-х гг.) Лангепасе, Радужном, Когалыме, Покачи, Лянторе, Мамонтово доля русских лишь незначительно превышала половину – 49,4–56,8%. В них же был высокий процент украинцев (11,2–18,6%) и татар (8,0–11,0%).

В 1989 г. наибольшие доли основных этносов были в городах: русских – в Ханты-Мансийске (82,3% – 29 218 чел.), украинцев – в Лянторе (18,6% – 4 162 чел.), татар – в Нефтеюганске (11,3% – 1 248 чел.), башкир – в Мегионе (3,7% – 1 497 чел.). В Лангепасе много было белорусов (17,1% – 4 432 чел.), поскольку организации из Белорусской республики строили этот город [22. Л. 19–24].

Таким образом, к нефтедобывающей промышленности привязывались рабочие, как правило, из четырех основных этносов – русских, украинцев, татар, башкир. Именно их представители были наиболее квалифицированными специалистами в нефтедобывающей отрасли. Так, в начале 1980-х гг. этнический состав нефтяников более чем на 90% состоял из русских (68%), украинцев (10,3%), татар (9,6%), башкир (2,4%). Следует отметить, что в единичных случаях в нефтедобыче были задействованы представители коренных народов Севера (0,4%). Если же возьмем строительную отрасль, то в ней этнический состав был более разнообразным, что определялось за счет большего удельного веса украинцев (23,2%), белорусов (3,2%), евреев (1,3%) и других национальностей (4,4%), в то время как «нефтяные» народы имели меньшую долю в строительстве по сравнению с нефтедобывающей отраслью: русские – 63,1%, татары – 3,8%, башкиры – 0,8% [14. С. 99].

Чем больше города нефтяников были задействованы в нефтедобывающем и строительном производствах, тем ниже в них была доля русских. Это показывают данные по удельному весу русского населения в городах, чья градообразующая база основана в том числе на других индустриальных отраслях: железнодорожном транспорте (в Пыть-Яхе доля русских составляла 61,6%), газотранспортировке (Белоярском – 67,8%, Комсомольском – 75,0%), лесной отрасли (Нягане – 67,3%, Советском – 76,1%, Ханты-Мансийске – 82,3%) [22. Л. 19–24].

Остается открытым вопрос о том, насколько сильно была выражена этническая идентичность у различных народов, приезжавших в ХМАО в период нефтегазового освоения. Представляется, что ответ могут дать данные распределения городского населения по родному языку, зафиксированные в переписях 1979 и 1989 гг. (см. табл. 3 [22. Л. 19–24; 23. Л. 25–27]). Если согласиться с тем, что этническая идентификация определеннее проявляется у разговаривающих в повседневной жизни на родном языке, то в таком случае «включенность» в этничность была высокой у азербайджанцев (83–87%), говоривших на родном языке, татар (77–80%), башкир (72–74%) и чуть меньше среди марийцев (67–68%), украинцев (64–66%), удмуртов (59%), белорусов (51–53%).

Однако данные переписей свидетельствуют, что в 1980-х гг. в процессе урбанизации, несмотря на увеличение миграционного потока и числа представите-

лей разных национальностей, а также уменьшения удельного веса русских, этническая идентификация среди переселенцев постепенно ослабевала. Об этом говорит процесс уменьшения процентных долей владеющих родным языком среди украинцев (на 1,7%), башкир (на 2,2%), татар (на 3,3%), чувашей (на 0,7%), немцев (на 5,5%) и увеличение у этих народов представителей, разговаривающих на русском языке. Эта тенденция также была характерна и для коренных народностей ХМАО, проживающих в городах: среди манси количество говоривших на родном языке сократилось на 10,3%, а среди ханты – на 3,1%. Вместе с тем к такой интерпретации нужно относиться с осторожностью, потому что корреляция между этничностью и владением родным языком не является абсолютной.

Динамика цифр национальностей, осуществлявших нефтегазовое освоение ХМАО в советский период, раскрывает структуралистскую картину этнического фактора в миграции и урбанизации региона. Как показал в своем труде философ М.Г. Ганопольский, в Западно-Сибирском нефтегазовом комплексе наблюдался особый механизм становления полиэтнических сообществ, интегрировавшихся в региональные общности индустриального типа [24. С. 109–137]. С одной стороны, в ХМАО осуществлялась идентификация социальных общностей по профессиональному признаку в условиях индустриального освоения и деятельности производственных объединений и главков (нефтяники, газовики, геологи, строители, энергетики), но с другой – генетическая природа формирования городов обусловила организацию национально-этнических общностей [25. С. 45–48]. Синтез производственных и этнических идентичностей не был новым явлением в ХМАО, прежде он реализовывался в рамках политики формирования лояльного трудового населения в период сталинских спецпереселений, например при депортации калмыков [26. С. 92–94]. Но теперь, в условиях создания нефтегазового комплекса, трудовая специализация и этничность соединялись не репрессированными и насильственными методами, а масштабной и хаотичной миграцией и урбанизацией.

В контексте нефтегазовой индустриализации и становления городской среды происходил симбиоз производственной идентичности и этничности за счет миграции национальностей, проживающих в нефтедобывающих районах страны. На начальных этапах нефтегазового освоения Западной Сибири представители татар, башкир, азербайджанцев или иных этносов, но родом из нефтедобывающих регионов страны (Поволжья, Чечено-Ингушетии, Азербайджана), обладали необходимым трудовым опытом в нефтегазодобыче, были преимущественно специалистами-нефтяниками, которые и заложили формирование новой производственной элиты. В то время как масса русского населения обеспечивала пополнение основной рабочей силы из ближайших областей Западной Сибири и Урала.

С конца 1970-х гг. решающее значение для развития нефтегазового комплекса обрела строительная отрасль, задачей которой становилось масштабное

обновление производственной, транспортной, жилищной и социокультурной инфраструктуры региона. Это привело к новой миграционной волне, в которой было задействовано уже большее количество национальностей. В этот период усилилось этническое разнообразие региона. Особую роль стали играть украинцы, белорусы, прибалтийские народы, узбеки, азербайджанцы. Русские продолжали оставаться главным этносом, строящим нефтегазовый комплекс, наибольший вклад среди них вносили строители из Свердловской, Пермской, Челябинской и Новосибирской областей.

Таким образом, в Ханты-Мансийском округе в период нефтегазового освоения сформировалось

полиэтническое общество, что особенно проявлялось в городах. Основными этносами выступали русские, украинцы, татары, белорусы и башкиры. Доля русских в нефтяных городах округа неизменно уменьшалась, а удельный вес других этносов повышался. В абсолютных величинах почти все этносы преумножили свое представительство, за исключением коренных народов Севера. Нефтедобывающая промышленность и строительство в значительной степени предопределили этничность населения ХМАО, тем самым этническая палитра в регионе стала отражением производственной идентификации переселенцев.

ЛИТЕРАТУРА

1. Поддубиков В.В. Этнокультурное пространство российского города: некоторые проблемы этнологического исследования // Антропологический форум. 2010. № 12. С. 137–147.
2. Головин А.В. Дрейф этничности // Уральский исторический вестник. 2009. № 4 (25). С. 46–55.
3. 65 лет Ханты-Мансийскому автономному округу (Информационно-статистический сборник). Сургут : Северный дом, 1995. 278 с.
4. Народное хозяйство Ханты-Мансийского национального округа Тюменской области за шесть лет семилетки (1959–1964 гг.) // ЦСУ – РСФСР Статистическое управление Тюменской области. Тюмень : [б.и.], 1965. 95 с.
5. Мисевич К.Н., Чуднова В.И. Население районов современного промышленного освоения Севера Западной Сибири. Новосибирск : Наука, 1973. 209 с.
6. Государственный архив Тюменской области (далее – ГАТО). Ф. 1112. Оп. 6. Д. 27.
7. Колева Г.Ю. Западно-Сибирский нефтегазодобывающий район: экономическое и социальное развитие (1960–2000-е гг.). Тюмень : Вектор Бук, 2010. 258 с.
8. Малинин Е.Д., Ушаков А.К. Население Сибири. М. : Статистика, 1976. 167 с.
9. Гаврилова Н.Ю., Карпов В.П. Основные тенденции в формировании населения нефтегазодобывающих районов Западной Сибири в 60–80-е годы // Западная Сибирь: история и современность: Краеведческие записки. Тюмень : Мандрика, 2003. Вып. 5. С. 179–198.
10. Эволюция этнокультурного облика Югры в конце XX – начале XXI века (на материале сургутского региона). Сургут : Изд-во СурГУ; ООО «Таймер», 2007. 248 с.
11. Аитов Н.А., Икинтин Е.Н. Общее и особенное в социальной защите населения северных городов // Западная Сибирь: история и современность: Краеведческие записки. Тюмень : Изд-во Юрия Мандрики, 2001. Вып. 4. С. 59–62.
12. ГАТО. Ф. 1112. Оп. 6. Д. 14.
13. Национальный состав населения Тюменской области. Всесоюзная перепись 1989 г. // Госкомстат РСФСР. Тюменское областное управление статистики. Тюмень : [б.и.], 1990. 214 с.
14. Гаврилова Н.Ю. Социальное развитие нефтегазодобывающих районов Западной Сибири (1964–1985 гг.). Тюмень : ТюмГНГУ, 2002. 283 с.
15. Карпунина И.Б., Мелентьева А.П. Русские в Западной Сибири в 1960–1980-е гг.: основные демографические тенденции // Русский этнос Сибири в XX веке : сб. науч. тр. Новосибирск : Новосиб. гос. ун-т, 2004. С. 39–61.
16. Яцун К.С. Болгарские строители в Тюменской области (1976–1991 гг.) как пример организованной трудовой миграции // Динамика миграции населения и проблемы современного развития Западной Сибири : сб. тез. докл. регион. науч.-практ. конф. Сургут. 21–22 ноября 2002 г. Сургут : Изд-во СурГУ, 2002. С. 133–137.
17. ГАТО. Ф. 814. Оп. 5. Д. 1673.
18. ГАТО. Ф. 814. Оп. 5. Д. 1007.
19. ГАТО. Ф. 1112. Оп. 11. Д. 9.
20. ГАТО. Ф. 1112. Оп. 11. Д. 142.
21. Куцев Г.Ф. Человек в северном городе. Свердловск : Средне-Урал. книж. изд-во, 1987. 224 с.
22. ГАТО. Ф. 1112. Оп. 11. Д. 188.
23. ГАТО. Ф. 1112. Оп. 11. Д. 125.
24. Ганопольский М.Г. Региональный этнос: истоки, становление, развитие. Тюмень : ТюмГНГУ, 1998. 160 с.
25. Волосникова Е.А. Северный город: жизнедеятельность социальных общностей. Екатеринбург : Гуманитарный университет, 2010. 244 с.
26. Иванов А.С. «Изыть, как антисоветский элемент...»: Калмыки в государственной политике (1943–1959 гг.) / под ред. Б.У. Серазетдинова ; Научный совет при Президиуме РАН по проблемам военной истории. М. : [б.и.], 2014. 294 с.

Статья представлена научной редакцией «История» 31 октября 2016 г.

ETHNICITY DRIFT IN THE OIL AND GAS DEVELOPMENT AND URBANIZATION OF THE KHANTY-MANSI OKRUG (1960S–1980S)

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2017, 414, 134–140.

DOI: 10.17223/15617793/414/21

Igor N. Stas, Surgut State University (Surgut, Russian Federation). E-mail: igor.stas@mail.ru

Keywords: West Siberian oil and gas complex; oil and gas development; oil city; production identity; urbanization; ethnicity.

The article attempts a historical-dynamic analysis of ethnicity in the period of oil and gas development and urbanization of the Khanty-Mansi Autonomous Okrug (KHMAO) in the 1960s–1980s. The work is written on the basis of quantitative and statistical methods of the study of the materials of 1959, 1970, 1979 and 1989 censuses found in the State Archive of Tyumen Oblast and published in collections of the Statistics Department of Tyumen Oblast. The main stages of the formation of the ethnic structure of the population of KHMAO are identified. The main trend in the dynamics of the national structure of the urban population of KHMAO was the strengthening of multi-ethnicity through the fall in the share of the Russians and the increase of the share of other peoples, especially the Ukrainians, the Tatars, the Bashkirs, the Belarusians, the Chuvash, the Azerbaijani and the Moldovans. But in absolute

terms, in 1959–1989, almost all the ethnic groups showed population growth, except the indigenous peoples of the area – the Khanty and the Mansi. The characteristics of the ethnic dynamics in the context of the basic and youngest cities in the region are identified. From 1959 to 1970 the largest share of the population in the cities of the district after the Russians belonged to the Tatars. Then came the Ukrainians. In 1979–1989, the place of the Tatars was taken by the Ukrainians. The Tatars became the third largest population group. The interconnection of ethnicity with production identification in oil and construction industries in the region is shown. At the initial stages, the interconnection was caused by the migration of ethnic groups living in the oil-producing areas of the country: the Tatars, the Bashkirs, the Azerbaijanis and other ethnic groups originally from oil-producing regions (the Volga region, Chechnya-Ingushetia, Azerbaijan). In the early 1980s, the increasing multi-ethnicity of the population in KHAMAO was the result of a change in the strategy of oil and gas development in the region, whereas the construction industry was announced to be the industrial support of the West Siberian oil and gas complex, and organizations and enterprises of the republics of the Soviet Union and the largest cities and regions of the RSFSR were additionally involved in the development of the construction industry. Thus, builders came to play a crucial role in the formation of the polyethnic composition of the population of KHAMAO. Urbanization of the region led to the gradual weakening of ethnic identification in the Soviet period. This is indirectly indicated by the reduced number of people speaking their native language among the Ukrainians, the Bashkirs, the Tatars, the Chuvash, the Germans, and the increased number of these peoples' representatives speaking the Russian language. The author comes to a conclusion that oil and gas development was carried out through the migration of ethnic Russians, Ukrainians, Tatars, Belarusians, Bashkirs, which led to the formation of a multiethnic society in KHAMAO. The main trend was to reduce the specific share of the Russian population and to increase the proportion of other ethnic groups. However, in absolute numbers most nationalities increased their population in the region, except for the indigenous peoples of the Khanty-Mansi Autonomous Okrug. The ethnic palette in the region was a reflection of production identification of migrants working in the oil industry and in the construction industry.

REFERENCES

1. Poddubikov, V.V. (2010) Etnokul'turnoe prostranstvo rossiyskogo goroda: nekotorye problemy etnologicheskogo issledovaniya [Russian ethno-cultural space of the city: some problems of ethnological studies]. *Antropologicheskii forum*. 12. pp. 137–147.
2. Golovnev, A.V. (2009) Dreyf etnichnosti [Drift of ethnicity]. *Ural'skiy istoricheskiy vestnik*. 4 (25). pp. 46–55.
3. Anon. (1995) *65 let Khanty-Mansiyskomu avtonomnomu okrugu (Informatsionno-statisticheskii sbornik)* [65 years of the Khanty-Mansiysk Autonomous Okrug (information and statistical compilation)]. Surgut: Severnyy dom.
4. Anon. (1965) Narodnoe khozyaystvo Khanty-Mansiyskogo natsional'nogo okruga Tyumenskoy oblasti za shest' let semiletki (1959–1964 gg.) [The national economy of the Khanty-Mansi National District of Tyumen Oblast for six years of the seven-year period (1959–1964)]. In: *TsSU – RSFSR Statisticheskoe upravlenie Tyumenskoy oblasti* [CSD – RSFSR, the Statistical Office of Tyumen Oblast]. Tyumen: [s.n.].
5. Misevich, K.N. & Chudnova, V.I. (1973) *Naselenie rayonov sovremennogo promyshlennogo osvoeniya Severa Zapadnoy Sibiri* [The population of the area of modern industrial development of the North of Western Siberia]. Novosibirsk: Nauka.
6. State Archive of Tyumen Oblast (GATO). Fund 1112. List 6. File 27. (In Russian).
7. Koleva, G.Yu. (2010) *Zapadno-Sibirskiy neftegazodobyvayushchiy rayon: ekonomicheskoe i sotsial'noe razvitiye (1960–2000-e gg.)* [West Siberian oil and gas producing region: economic and social development (1960s–2000s)]. Tyumen: Vektor Buk.
8. Malinin, E.D. & Ushakov, A.K. (1976) *Naselenie Sibiri* [The population of Siberia]. Moscow: Statistika.
9. Gavrilova, N.Yu. & Karpov, V.P. (2003) Osnovnye tendentsii v formirovaniye naseleniya neftegazodobyvayushchikh rayonov Zapadnoy Sibiri v 60–80-e gody [Major trends in the formation of public oil and gas regions of Western Siberia in the '60s–'80s]. In: Solodkin, Ya.G. (ed.) *Zapadnaya Sibir': istoriya i sovremennost': Kraevedcheskie zapiski* [Western Siberia: history and modernity: Local history notes]. Vol. 5. Tyumen: Mandrika.
10. Ten, V.A. (ed.) (2007) *Evolutsiya etnokul'turnogo oblika Yugry v kontse XX – nachale XXI veka (na materiale surgutskogo regiona)* [Evolution of ethnocultural Ugra appearance at the end of the 20th – beginning of the 21st centuries (based on the Surgut region)]. Surgut: Surgut State University.
11. Aitov, N.A. & Ikingrin, E.N. (2001) Obshchee i osobennoe v sotsial'noy zashchite naseleniya severnykh gorodov [The general and special social protection of the population of northern cities]. In: Solodkin, Ya.G. (ed.) *Zapadnaya Sibir': istoriya i sovremennost': Kraevedcheskie zapiski* [Western Siberia: history and modernity: Local history notes]. Vol. 4. Tyumen: Mandrika.
12. State Archive of Tyumen Oblast (GATO). Fund 1112. List 6. File 14. (In Russian).
13. State Statistics Committee of the RSFSR. (1990) *Natsional'nyy sostav naseleniya Tyumenskoy oblasti. Vsesoyuznaya perepis' 1989 g.* [National composition of the population of Tyumen Oblast. All-Union census of 1989]. Tyumen: [s.n.].
14. Gavrilova, N.Yu. (2002) *Sotsial'noe razvitiye neftegazodobyvayushchikh rayonov Zapadnoy Sibiri (1964–1985 gg.)* [Social development of oil and gas regions of Western Siberia (1964–1985)]. Tyumen: Tyumen Oil and Gas University.
15. Karpunina, I.B. & Melent'eva, A.P. (2004) Russkie v Zapadnoy Sibiri v 1960–1980-e gg.: osnovnye demograficheskie tendentsii [Russian Western Siberia in the 1960s–1980s: basic demographic trends]. In: Lamin, V.A. & Bazarov, B.V. (eds) *Russkiy etnos Sibiri v XX veke* [Russian ethnos in Siberia in the 20th century]. Novosibirsk: Novosibirsk State University.
16. Yatsun, K.S. (2002) Bolgarskie stroiteli v Tyumenskoy oblasti (1976–1991 gg.) kak primer organizovannoy trudovoy migratsii [Bulgarian builders in Tyumen Oblast as an example of organized labor migration]. *Dinamika migratsii naseleniya i problemy sovremennogo razvitiya Zapadnoy Sibiri* [Dynamics of migration and problems of modern development in Western Siberia (1976–1991)]. Proceedings of the regional conference. Surgut. 21–22 November 2002. Surgut: Surgut State University. pp. 133–137. (In Russian).
17. State Archive of Tyumen Oblast (GATO). Fund 814. List 5. File 1673. (In Russian).
18. State Archive of Tyumen Oblast (GATO). Fund 814. List 5. File 1007. (In Russian).
19. State Archive of Tyumen Oblast (GATO). Fund 1112. List 11. File 9. (In Russian).
20. State Archive of Tyumen Oblast (GATO). Fund 1112. List 11. File 142. (In Russian).
21. Kutsev, G.F. (1987) *Chelovek v severnom gorode* [Man in a northern city]. Sverdlovsk: Sredne-Ural. knizh. izdatel'stvo.
22. State Archive of Tyumen Oblast (GATO). Fund 1112. List 11. File 188. (In Russian).
23. State Archive of Tyumen Oblast (GATO). Fund 1112. List 11. File 125. (In Russian).
24. Ganopol'skiy, M.G. (1998) *Regional'nyy etos: istoki, stanovleniye, razvitiye* [Regional ethos: origins, formation and development]. Tyumen: Tyumen Oil and Gas University.
25. Volosnikova, E.A. (2010) *Severnyy gorod: zhiznedeyatel'nost' sotsial'nykh obshchnostey* [Northern City: life activities of social communities]. Ekaterinburg: Humanities University.
26. Ivanov, A.S. (2014) *“Iz”yat’, kak antisovetskii element...”: Kalmyki v gosudarstvennoy politike (1943–1959 gg.)* [“Confiscate as an anti-Soviet element...”: the Kalmyks in state policy (1943–1959)]. Moscow: [s.n.].

Received: 31 October 2016